

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИЗМЕРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

МАМЕДАЛИ МОВСУМ ФАРУХОВ

Преподаватель кафедры Политологии и
политического управления
Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики,
доктор философии по политическим наукам,
Азербайджанская Республика, г.Баку,
ул. Лермонтова 74, AZ 1001
E-mail: mamed.ali@outlook.com

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается становление концепции когнитивной войны как фактора формирования нового измерения обеспечения национальной безопасности. На основе теории революции в военном деле и концепции смены доменов войны обосновывается критерий, отделяющий когнитивную войну от других разновидностей таких некинетических форм противоборства как информационных, психологических и кибервойн. Предложено целостное определение когнитивной войны как системного вмешательства в когнитивную сферу с целью сформировать у объекта такую модель принятия решений, при которой навязанное решение воспринимается им как собственное. Ключевым результатом является связь когнитивной войны и когнитивной безопасности через категорию интереса, понимаемого как осознанная потребность. Когнитивная безопасность определяется как защищённость целостности и автономии процесса осознания потребностей и формирования интересов. Встроенная в диалектику факторов, интересов и угроз, когнитивная безопасность занимает особое положение и трактуется как качественно новое измерение обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: когнитивная война; когнитивная безопасность; национальная безопасность; интерес; осознание потребностей; некинетическое противоборство.

Введение

Современное геополитическое противостояние развёртывается одновременно во множестве пространственных измерений — физическом, военно-силовом, экономическом, информационном и культурном. В рамках этого противостояния происходит непрерывная конкуренция геополитических акторов за совершенствование инструментов воздействия на противника. Основная задача акторов в этой конкуренции состоит в ослаблении соперника и расширении контро-

ля над пространством. На фоне стремительного развития высоких технологий и искусственного интеллекта (ИИ) инструменты некинетического воздействия трансформируются особенно интенсивно. Логика этой трансформации воспроизводит логику эволюции вооружений. Так, средства борьбы непрерывно совершенствуются, и за количественным накоплением технологических изменений периодически следует качественный скачок. Именно в этом процессе на стадии становления находится концепция когнитивных войн, выделяющая качественно иное пространство воздействия на противника — процесс мышления человека.

Военно-теоретическая традиция давно описывает развитие войны как последовательное освоение новых пространств (доменов) противоборства — суши, моря, воздуха, космоса и киберпространства. Каждый такой переход связан не просто с появлением более совершенного оружия, а с выходом борьбы в качественно новую среду. В рамках теории «революции в военном деле» (Revolution in Military Affairs, RMA) и концепции поколений войны накопление технологических изменений периодически порождает не количественное улучшение прежних средств, а смену самого характера противоборства. С этих позиций когнитивная война предстаёт закономерным этапом эволюции форм некинетического воздействия, а также освоением нового, когнитивного пространства, мишенью которого становится не территория, не инфраструктура и даже не информация как таковая, а сам аппарат человеческого познания.

Признание когнитивной войны самостоятельным измерением противоборства, однако, не является бесспорным. Минималистская трактовка рассматривает её не как самостоятельное понятие, а как подчинённый элемент гибридной войны, переплетённый с информационной и кибервойной. В этом контексте речь идёт лишь об интенсификации информационного противоборства средствами цифровых платформ. Различение

этих двух прочтений требует чёткого критерия, отделяющего количественное усовершенствование инструментов от качественного выхода в новую среду. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обосновать признание когнитивной безопасности новым измерением обеспечения национальной безопасности. Выдвигается гипотеза о том, что в процессе развития некинетических средств воздействия на противника, происходит смещение мишени воздействия с сообщения (информации, контента — предмета классической информационной войны) на сам процесс познания, восприятия и принятия решений. Подобно тому как авиация открыла воздушный домен не потому, что была «лучшим средством», а потому что действовала в новой среде, когнитивная война открывает когнитивное измерение в тот момент, когда меняется объект воздействия.

На сегодняшний день общепринятого универсального определения когнитивной войны нет, однако в военных и академических кругах накоплен ряд разработок в этом направлении. Полноценное теоретическое описание термина, легшее в основу современных дискуссий, сформулировали специалист в области когнитивных наук Бернар Клавери и руководитель отдела инновационных проектов в Хабе трансформаций и инноваций объединенного командования НАТО в Норфолке Франсуа Франсув дю Клузель, выведшие в работе «The Cognitive Warfare Concept» [10] когнитивную войну как отдельное измерение, где объектом атаки становится человеческий мозг, а целью — изменить не то, что люди думают, а то, как они думают и принимают решения. Когнитивная война, по их утверждению, начинается с информации, но выходит далеко за её пределы, тогда как информационная война остаётся самостоятельной, замкнутой на контент операций [10].

Б.Рашинг, У.Херш и Ш.Сюй предлагают понимать когнитивную войну как интерактивную борьбу за человеческое познание, в которой атакующая и защищающаяся стороны непрерывно соревнуются за преимущество. Они критикуют распространённые модели за односторонность и за сосредоточенность на техниках атакующего при недооценке устойчивости и обучаемости обороняющегося. Тем самым эта группа авторов вводят в концепцию когнитивной войны момент противодействия. [7]

Дж.Бернал и соавторы разграничивают когнитивную и информационную войну по целям. Так, если информационная война сосредоточена на

контроле над распространением информации, то когнитивная направлена на формирование реакций отдельных лиц и групп на эту информацию [9]. С.Миллер рассматривает когнитивную войну как форму конфликта, наносящую психологический вред индивидам и повреждающую институты, и позиционирует её ниже порога обычной войны и тайных операций, вводя понятие скрытой когнитивной войны, которая незаметно подрывает свои цели, не перерастая в открытые боевые действия [22].

Наиболее всеобъемлющей попыткой целостного понимания понятия когнитивной войны остаётся Исследовательская концепция когнитивной войны (Cognitive Warfare Exploratory Concept) Командования по трансформации НАТО (Allied Command Transformation) разработанная как военная концепция в рамках доктрины альянса. Она трактует когнитивную войну как действия, проводимые синхронно с другими инструментами воздействия направленные на установки и поведение объекта через влияние на его индивидуальное и групповое познание, ради достижения преимущества [23]. Именно акцент на когнитивных процессах и человеческом разуме отличает эту концепцию от смежных концепций гибридных угроз, иностранного информационного вмешательства и манипулирования (Foreign Information Manipulation and Interference (FIMI)), дезинформации. Предполагаемые эффекты вышеуказанных концепций обычно сводятся к принятию или отвержению конкретной информации, тогда как в когнитивной войне основным эффектом считается манипулирование эмоциональными и подсознательными процессами разума, затрудняющее само осознание факта угрозы. При значительном объёме работ единое научное понимание концепции до сих пор не достигнуто, а её доктринальное оформление не завершено, что и определяет необходимость теоретического осмысления когнитивной войны именно в логике её становления — и обоснования формирующейся на её фоне когнитивной безопасности как нового измерения обеспечения национальной безопасности.

Генеалогия некинетического противоборства и смена пространств войны

Идея воздействия на сознание и волю противника, а не только на его материальную силу, принадлежит к числу древнейших в военной мысли. Уже Сунь-цзы в «Трактате о военном искусстве» [5, с.33] формулировал идеал победы без сражения и придавал решающее значение введению

противника в заблуждение относительно подлинных намерений. В этом смысле воздействие на познание противника не является изобретением цифровой эпохи. Новейшие концепции, включая когнитивную войну, наследуют эту многовековую традицию, но радикально расширяют её технологические основания и охват, перенося фокус с лиц, принимающих решения, на население в целом [13].

В XX веке воздействие на сознание институционализируется в формах пропаганды и психологических операций (PsyOps), а позднее — информационных операций (InfoOps) и стратегических коммуникаций (STRATCOM), закреплённых в военной доктрине (в частности, в АJP-3). Эти инструменты оперируют преимущественно содержанием сообщения. Их задача состоит в том, чтобы сформировать у целевой аудитории требуемые установки и поведение через управление потоком информации, оставаясь в пределах информационного пространства.

Параллельно складывалась российская традиция, в рамках которой особое место заняла теория рефлексивного управления, понимаемого как целенаправленная передача противнику оснований для принятия решения, выгодного управляющей стороне [19]. Ряд исследователей указывает, что в российском подходе информационное противоборство изначально несло выраженное когнитивное измерение, нацеленное на восприятие и процессы принятия решений [28; 27], а информационно-психологические меры рассматривались как часть более широкого арсенала «всех средств национальной мощи» (8). Показательно, что и в концепции НАТО рефлексивное управление приводится как пример воздействия, направленного на нарушение цикла принятия решений противника [13].

Самостоятельная линия подхода к проблеме когнитивных войн оформилась в китайской стратегической мысли. Так, китайская концепция «трёх войн» (психологической, войны общественного мнения и правовой), а также операции в когнитивной сфере, трактуется как управление психическими состояниями и поведением противника через манипулирование стимулами среды [21; 18].

Существование западной, российской и китайской традиций показывает, что когнитивное противоборство вызревает одновременно в разных стратегических культурах, что усиливает тезис о его становлении как самостоятельного феномена, а не локальной доктринальной новации.

Качественно новый этап связан с конвергенцией прежде разрозненных инструментов воздействия. В современной трактовке когнитивная война предстаёт как синтез психологических, информационных и кибернетических операций, усиленное искусственным интеллектом и машинным обучением [20; 25]. При этом подчёркивается, что когнитивные атаки сами по себе не новы. Новизна усматривается в способности противника осуществлять их быстро и анонимно в информационной среде с опорой на цифровые платформы и новые прорывные технологии [13]. Доктринальные документы фиксируют этот сдвиг. Так, в Концепции ведения войны НАТО и Стратегической концепции НАТО 2022 года когнитивное превосходство (Cognitive Superiority) выделено как один из ключевых императивов обеспечения развития и безопасности.

Эту эволюцию целесообразно рассматривать в рамках более общей логики смены пространств (доменов) войны. Военно-теоретическая традиция описывает последовательное освоение новых сред противоборства — суши, моря, воздуха, космоса и киберпространства, — где каждый переход обусловлен не просто совершенствованием оружия, а технологически опосредованным выходом борьбы в качественно новую среду. Именно такие переходы фиксирует теория революции в военном деле. Вопрос о том, образует ли познание шестое, самостоятельное пространство войны, нередко именуемое «человеческим» или «когнитивным» доменом, является предметом активной и незавершённой дискуссии [6; 20].

Доктринальная позиция при этом остаётся двойственной. С одной стороны, ещё в 2020 г. Ф. дю Клузель предложил рассматривать «человеческий домен» как шестую операционную сферу [15]. С другой — в докладе главного научного советника НАТО Стинга Сондергора прямо отмечается, что познание пока не признано отдельным доменом наряду с традиционными (суша, море, воздух, космос, киберпространство), а трактуется как сквозное, пронизывающее их измерение воздействия [25]. Тем самым концепция находится ровно в той точке, где количественное накопление изменений ещё не получило однозначного качественного оформления в виде нового домена.

Именно эта незавершённость задаёт исследовательскую задачу. Если воздействие на сознание противника старо как сама война, а технологическое усиление само по себе не доказывает рождения нового пространства, то искомым критерием должно служить смещение самой мишени воз-

действия. Когнитивные операции направлены уже не на содержание сообщения, а на сам процесс мышления и, через него, на логику принятия решений противника. Их отличительный признак — скрытность результата для самого объекта. В отличие от принуждения, где жертва осознаёт навязанную ей волю, при когнитивном воздействии объект принимает выгодное субъекту решение как собственное, вытекающее из его же логики мышления, не распознавая навязанного характера. Этот механизм по сути описан ещё в теории рефлексивного управления, добивающейся того, чтобы противник «сам» избрал нужное решение [19], современные технологии лишь радикально повышают его масштаб и незаметность.

Анализ рассмотренных подходов показывает отсутствие целостного и операционального определения когнитивной войны. С учётом изложенного под когнитивной войной предлагается понимать форму некинетического противоборства, состоящую в комплексном системном вмешательстве в когнитивную сферу целевой аудитории с целью сформировать у неё такую модель принятия решений, при которой объект самостоятельно вырабатывает решения, выгодные субъекту воздействия, не распознавая их навязанного характера.

Отличие когнитивной войны от информационной войны, психологических операций, гибридного воздействия

Чтобы предложенное определение не разползлось до любого влияния на сознание — ведь на него воздействуют и образование, и реклама, и политическая дискуссия, — необходим критерий, отделяющий когнитивную атаку от легитимного убеждения. Таким критерием выступает сочетание трёх признаков: способа воздействия (скрытого, эксплуатирующего подсознательные процессы и обходящего сознательное обсуждение), направленности выгоды (навязываемое решение служит внешнему субъекту в ущерб объекту) и враждебного характера (элемент противоборства, ведущегося выше или ниже порога вооружённого конфликта). Легитимное убеждение апеллирует к сознательному суждению и оставляет за адресатом возможность отвергнуть довод, в свою очередь когнитивная атака этот механизм обходит. Последний признак сближает определение с требованием «элемента войны», которое выделяют и другие авторы [13].

На этом основании проводятся разграничение когнитивной войны от информационной войны,

психологической операции, гибридного воздействия. Так, информационная война сосредоточена на контроле над распространением и содержанием информации. Её предельный эффект — принятие или отвержение аудиторией определённых сведений и нарративов (9). Когнитивная война использует информацию лишь как средство, мишенью же делает процесс осознания. Она начинается с информации, но выходит за её пределы [10]. В терминах предложенного подхода информационная война работает с сообщением, когнитивная — с самим процессом мышления и моделью принятия решений.

Психологические операции это планируемые, нацеленные на конкретную аудиторию и конкретные задачи мероприятия, осуществляемые преимущественно военными средствами. Когнитивная война шире, она не обязательно привязана к определённой аудитории и задаче, не является исключительно военной и нередко рассчитана на создание хаоса и сложности ниже порога вооружённого конфликта [25]. Психологическая операция есть инструмент, а когнитивная война — среда противоборства, в которой такой инструмент может применяться.

Эффекты гибридного воздействия и иностранного информационного манипулирования и вмешательства как правило, исчерпываются принятием или отвержением конкретной информации, тогда как когнитивная война метит в эмоциональные и подсознательные процессы, лежащие глубже отдельного сообщения [23; 13]. Здесь следует учесть позицию скептиков. Так, ряд исследователей считает когнитивную войну не самостоятельным понятием, а подчинённым элементом гибридной войны [18]. Развёрнутый ответ на это возражение даётся ниже, при обосновании когнитивного измерения, через критерий смены непосредственной мишени воздействия. Здесь достаточно зафиксировать, что предложенное определение проводит между этими понятиями содержательную, а не только терминологическую границу. В этом контексте следует отметить, что гибридные угрозы остаются на уровне средств и эффектов, когнитивная же война определяется через вмешательство в сам процесс мышления и формирования решений.

Именно перенос воздействия на сам процесс познания, восприятия и принятия решений — то, что в совокупности обозначается как когнитивная сфера, — и даёт основание поставить вопрос о её защите. Если линия противоборства переносится внутрь самого процесса выработки реше-

ний, то объектом обеспечения национальной безопасности становится не только результат этого процесса, но и его целостность.

Категория интереса и когнитивная безопасность

Прежде чем сформулировать собственное понимание, необходимо рассмотреть уже сложившиеся подходы к когнитивной безопасности. Обобщающее определение предлагают Т.Аск и соавторы [7], понимающие когнитивную безопасность как состояние наличия доверенных границ, защищающих когнитивные активы от всех форм несанкционированного доступа и вмешательства. Эта рамка «состояния, границ и активов» выстроена по аналогии с информационной безопасностью и смыкается с нейробезопасностью — защитой конфиденциальности, целостности и доступности когнитивных активов.

Наряду с этим в литературе представлен спектр более частных трактовок, которые можно свести к нескольким линиям. Одна из них описывает когнитивную безопасность одновременно как состояние и процесс, при котором манипуляция не способна изменить познание и который достигается через знания, информационную грамотность и критическое мышление [16]. Другая линия определяет когнитивную безопасность как способность системы принятия решений сохранять свободу воли и обеспечивать надёжные условия выбора решений вопреки попыткам манипулирования и воздействия [12]. Третья линия трактует когнитивную безопасность как применение совокупности инструментов для противодействия когнитивным атакам [17]. Ещё ряд определений сосредоточен на индивидуальном уровне — на защите когнитивной обработки, то есть восприятия, внимания, памяти и суждения, от информационных угроз [29; 14; 11].

При всём разнообразии этих трактовок, единого определения когнитивной безопасности пока не сложилось. Подходы расходятся уже в том, что именно берётся под защиту — состояние, процесс или практика. В дополнение к ним ниже предлагается определение, примыкающее к линии где когнитивная безопасность определяется как способность системы принятия решений сохранять надёжный выбор вопреки попыткам манипулирования, но связывающее защищаемый процесс с категорией интереса. То есть с тем самым осознанием потребностей, через которое, как показано выше, и ведётся когнитивное воздействие.

В основе предложенного понимания когнитивной безопасности лежит несложная логическая связь. Всякое решение опирается на сформированный интерес, а интерес есть осознанная потребность — потребность, прошедшая через акт осознания и получившая предметную направленность [1]. Между потребностью как объективной нуждой и интересом как её осознанной формой лежит зазор — собственно процесс осознания, по своей природе когнитивный. Поскольку когнитивное воздействие по самому своему определению нацелено на процесс мышления, оно неизбежно вторгается именно в этот акт осознания, которым потребность преобразуется в интерес, а интерес — в решение. Отсюда вытекает, что защита от воздействия в контексте когнитивной войны есть прежде всего защита самого процесса осознания потребностей и формирования интересов. Защита здесь не может состоять в навязывании «правильного» содержания интересов. Это воспроизводило бы саму логику манипуляции и превращало бы любое инакомыслие в подозреваемую атаку. Поэтому когнитивная безопасность определяется как защищённость целостности и автономии процесса осознания потребностей и формирования интересов от внешнего некинетического воздействия. Когнитивная безопасность подразумевает защиту условий, при которых общество свободно вырабатывает свои интересы, а также обеспечение доступа к достоверной информации, способности к рациональному суждению отсутствие скрытого манипулятивного вмешательства.

Отсюда следует и место когнитивной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности. Традиционные её измерения защищают национальные интересы как нечто уже сформированное, когнитивная безопасность в этом контексте защищает саму способность их формировать. Тем самым она занимает метаяровое положение. Так, предметом защиты становится сфера, задающая содержание всех прочих измерений безопасности. Это и составляет основание трактовать её как качественно новое измерение, а не как частный отдельный случай информационной безопасности.

Когнитивная безопасность в диалектике факторов, интересов и угроз

Через данный подход когнитивная безопасность встраивается в общую онтологию обеспечения национальной безопасности, которая традиционно встраивается как взаимосвязь факторов, интересов и угроз. Факторы внешней и внутренней среды — геополитические, техно-

логические, социальные — формируют потребности социума. Проходя процесс осознания потребности превращаются в интересы, угрозы же определяются производно — как то, что препятствует реализации и защите этих интересов. Национальная безопасность в этой логике есть защищённость национальных интересов от угроз. Закономерно, что современная наука уже трактует когнитивную безопасность как сравнительно новый и важный раздел стратегии национальной безопасности [2, с. 10].

Связь этих трёх категорий диалектична. Факторы порождают потребности через осознание которых формируются интересы. Интересы, в свою очередь, задают саму оптику восприятия угроз, поскольку угрозой признаётся лишь то, что противоречит интересам. Условия, процессы и события возникшие при реализации угрозы становятся новыми факторами, переформирующими потребности и интересы. Интерес занимает в этой триаде центральное, определяющее положение. Именно через интересы формируется картина угроз, на которую и опирается всё обеспечение безопасности.

Здесь и обнаруживаются специфические угрозы исходящие из когнитивной войны. Воздействуя на осознание потребностей, она вмешивается в само звено, связывающее факторы с интересами, и тем самым искажает не только интересы, но и производную от них картину угроз. Государство, у которого скрытно перенастроено процесс формирования интересов, начинает неверно опознавать и воспринимать угрозы — принимать враждебное за дружественное и наоборот — и принимает соответствующие решения как собственные, не распознавая их навязанного характера.

В коллективной монографии «Прологомены когнитивной безопасности» под редакцией И.Ф. Кефели когнитивные операция определяется как наиболее продвинутой форма манипуляции, влияющую на принятие решений и нацеленную на перестройку человеческого сознания [2, с. 11]. В предложенной рамке это означает атаку по процессу осознания потребностей. Отсюда уточняется и объект когнитивной безопасности. Она защищает не отдельные интересы и не конкретный перечень угроз, а целостность самого диалектического перехода «факторы — интересы — угрозы» в его когнитивном звене — в процессе осознания, которым среда преобразуется в интересы, а через них в картину угроз. Поражение этого звена обесценивает все прочие контуры безопасности, ведь они опираются на уже сформирован-

ную систему интересов и угроз. Защита же его сохраняет за обществом способность самостоятельно и неискажённо определять, что является для него интересом, а что — угрозой.

Обоснование когнитивного измерения через эволюцию доменов войны

Тезис о качественно новом измерении национальной безопасности нуждается в строгом обосновании, и его даёт логика эволюции форм войны. В рамках теории революции в военном деле развитие вооружённой борьбы описывается как последовательное освоение новых пространств — суши, моря, воздуха, космоса, киберпространства, — а теория поколений войны добавляет, что переход к каждому новому поколению есть не улучшение прежних средств, а смена самого способа ведения борьбы. Принципиально, что новый домен возникает не тогда, когда совершенствуется оружие, а тогда, когда противоборство выходит в качественно иную среду и требует собственной формы превосходства. Авиация открыла воздушный домен не потому, что самолёт был «лучшим средством» поражения, а потому что перенесла борьбу в новую среду.

Этот критерий — смена не инструмента, а самой среды и мишени воздействия, что и отделяет рождение нового измерения от количественного усиления прежних. Применительно к рассматриваемому предмету он работает однозначно. Информационная война, психологические операции и кибероперации, при всём их совершенствовании, остаются воздействием на сообщение, на информационную среду, на инфраструктуру. Когнитивная война переносит мишень в иную среду — в сам процесс осознания и принятия решений, в когнитивную сферу человека. Именно пересечение этого порога — переход от сообщения к процессу мышления — и конституирует когнитивное измерение, тогда как технологическое усиление само по себе лишь обслуживает данный переход.

Косвенным, но красноречивым подтверждением служит сам язык, которым описывается это противоборство. Понятие когнитивного превосходства выстраивается по прямой аналогии с превосходством в воздухе — как относительной, контекстно-зависимой свободы действий в новой среде, а не абсолютного контроля над сознанием противника [26]. А раз субъекты противоборства уже стремятся к превосходству в этой среде — что закреплено, в частности, в Концепции ведения войны НАТО, где когнитивное превос-

ходство выделено в самостоятельный императив развития [25], — постольку среда эта фактически конституируется как самостоятельный домен: превосходства добиваются лишь там, где признано пространство борьбы.

Это позволяет дать обещанный выше ответ на возражение скептиков. Минималистская позиция, согласно которой когнитивная война есть не самостоятельное понятие, а подчинённый элемент гибридной войны, переплетённый с информационной и кибервойной [18], опирается на сильный довод о том, что инструменты когнитивной войны — дезинформация, кибероперации, психологические приёмы — действительно не новы и общи с гибридными. Однако этот довод путает уровень инструмента с уровнем домена. Гибридная война есть способ комбинирования средств поверх уже существующих пространств. Когнитивная война же определяется не набором средств, а спецификой мишени — процессом осознания потребностей и формирования интересов, — которая не сводится ни к территории, ни к инфраструктуре, ни к информации. Подобно тому как воздушный домен не перестаёт быть самостоятельным оттого, что авиация пользуется набором уже известных технологий, когнитивное измерение не растворяется в гибридной войне оттого, что заимствует у неё инструментарий.

Сказанное не отменяет правоты скептиков в том, что концепция действительно незрела, а её чрезмерно широкие трактовки рискуют «концептуальной растяжкой», при которой под когнитивную войну подводится любое влияние на сознание [1]). Но именно предложенный критерий смены мишени и процессуальное понимание интереса дают ту узкую, операциональную границу, которой недостаёт существующим определениям. Когнитивным в этом контексте признаётся лишь то воздействие, что направлено на процесс осознания, а не на содержание сообщения. Тем самым незавершённость концепции означает не отсутствие предмета, а его становление — состояние, в котором количественное накопление изменений ещё не получило окончательного доктринального оформления, но качественный порог уже пройден.

Из обоснования нового домена прямо следует и оборонный вывод. Если наступательное освоение когнитивного пространства образует новое измерение противоборства, то противодействие ему образует новое измерение обеспечения национальной безопасности. Подобно тому как появление авиации потребовало противоздуш-

ной обороны, а киберпространства — кибербезопасности, освоение когнитивной сферы противником порождает потребность в когнитивной безопасности как самостоятельном направлении защиты. Таким образом, становление концепции когнитивной войны и есть тот фактор, который формирует новое, когнитивное измерение обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Проведённое исследование исходило из того, что концепция когнитивной войны находится в стадии становления. Когнитивная война отличается от информационной не инструментарием, а тем, что переносит мишень с содержания сообщения на сам процесс познания, восприятия и принятия решений. В логике эволюции доменов войны пересечение этого порога и конституирует когнитивное пространство как качественно новое.

На этом основании предложено целостное определение когнитивной войны как формы некинетического противоборства, состоящей в системном вмешательстве в когнитивную сферу целевой аудитории с целью сформировать у неё такую модель принятия решений, при которой объект самостоятельно вырабатывает выгодные субъекту решения, не распознавая их навязанного характера. Определение отграничено от смежных понятий — информационной войны, психологических операций, гибридных угроз — по критериям мишени, способа воздействия и направленности выгоды, что отвечает на возражение скептиков, сводящих когнитивную войну к подчинённому элементу гибридной.

Центральным теоретическим результатом работы стала связь когнитивной войны и когнитивной безопасности через категорию интереса. Поскольку всякое решение опирается на интерес, а интерес есть осознанная потребность, когнитивное воздействие, направленное на процесс мышления, неизбежно вторгается в акт осознания, которым потребность преобразуется в интерес. Отсюда когнитивная безопасность определена как защищённость целостности и автономии самого процесса осознания потребностей и формирования интересов. Встроенная в диалектику факторов, интересов и угроз, она занимает основообразующее, мета-уровневое положение и защищает не отдельные интересы, а ту инстанцию, через которую среда преобразуется в интересы и в производную от них картину угроз.

Совокупность этих выводов обосновывает главный тезис о том, что становление концепции

когнитивной войны выступает фактором формирования нового — когнитивного — измерения обеспечения национальной безопасности. Если наступательное освоение когнитивного пространства образует новое измерение противоборства, то противодействие ему образует и новое измерение защиты.

Настоящая работа намеренно ограничена теоретико-методологическим уровнем, её задачей было обоснование статуса когнитивной безопасности и её понятийного аппарата. За пределами исследования остался вопрос об обеспечении когнитивной безопасности — о технологиях, институциональных механизмах и формировании когнитивной устойчивости и обороны. Именно эта проблематика, требующая отдельного, прикладного рассмотрения, составит предмет дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. — М.: Политиздат, 1986. — 223 с.
2. Прологомены когнитивной безопасности: коллективная монография / под ред. И.Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2023. — 488 с.
3. Беломестнова Н.В. Раздел IV. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность // Прологомены когнитивной безопасности / под ред. И.Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2023. — С. 365–442.
4. Кефели И.Ф., Плебанек О.В. Раздел III. Военные операции в информационном пространстве // Прологомены когнитивной безопасности / под ред. И.Ф. Кефели. — СПб.: ИД «Петрополис», 2023. — С. 291–364.
5. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве / пер. с кит. и исслед. Н. И. Конрада. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. Allen P.D., Gilbert D.P. Qualifying the Information Sphere as a Domain // *Journal of Information Warfare*. — 2010. — Vol. 9, № 3. — P. 39–50.
7. Ask T.F., Sütterlin S., Müller L., Lugo R.G., Saari D., Grahn H., Canham M., Hermansen D., Knox B.J. Cognitive Security: The Study and Practice of Protecting the Human Mind and Other Cognitive Assets from Cognitive Threats. — *PsyArXiv Preprints*, 2026.
8. Bartles C.K. Getting Gerasimov Right // *Military Review*. — 2016. — Vol. 96, № 1. — P. 30–38.
9. Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. — NATO; Johns Hopkins University, 2020.
10. Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive War-

fare Concept. — NATO ACT Innovation Hub, 2021.

11. Crum, James, Aaron R. Allred, Sarah R. Bostrom, Emily Doherty, Melissa McLain, Erin Richardson, Cara Spencer, Richard E. Niemeyer, Allison P.A. Hayman, Chad Tossell, Marta Čeko, and Lianne Hirshfield, "Understanding the Neurocognitive Mechanisms of Cognitive Security," *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, Vol. 179, October 28, 2025, p. 106448. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2025.106448>

12. Danet D. Cognitive Security: Definition and Threat Analysis. — SSRN, 2026. — DOI: 10.2139/ssrn.6116186.

13. Deppe C., Schaal G.S. Cognitive Warfare: A Conceptual Analysis of the NATO ACT Cognitive Warfare Exploratory Concept // *Frontiers in Big Data*. — 2024. — Vol. 7. — Art. 1452129.

14. Doherty G. Cognitive Security: An Architecture Informed Approach from Cognitive Science // *Augmented Cognition. HCII 2023. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 14019. — Cham: Springer, 2023. — P. 395–415.

15. du Cluzel F. Cognitive Warfare. — NATO ACT Innovation Hub, 2020. — 45 p.

16. Grahn H., Taipalus T. Defining Comprehensive Cognitive Security in the Digital Era: Literature Review and Concept Analysis // *Journal of Information Warfare*. — 2025. — Vol. 24, № 2. — P. 39–59.

17. Huang L., Zhu Q. Cognitive Security: A System-Scientific Approach. *SpringerBriefs in Computer Science*. — Cham: Springer, 2023. — 110 p.

18. Hung T.C., Hung T.W. How China's Cognitive Warfare Works: A Frontline Perspective of Taiwan's Anti-Disinformation Wars // *Journal of Global Security Studies*. — 2022. — Vol. 7, № 4. — Art. ogac016.

19. Jaitner M.L., Kantola H. Applying Principles of Reflexive Control in Information and Cyber Operations // *Journal of Information Warfare*. — 2016. — Vol. 15, № 4. — P. 27–38.

20. Le Guyader H. Cognitive Domain: A Sixth Domain of Operations // *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance* / eds. B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler, F. du Cluzel. — NATO Collaboration Support Office, 2022. — P. 1–5.

21. Lee S. China's 'Three Warfares': Origins, Applications, and Organizations // *Journal of Strategic Studies*. — 2014. — Vol. 37, № 2. — P. 198–221.

22. Miller S. Cognitive Warfare: An Ethical Analysis // *Ethics and Information Technology*. — 2023. — Vol. 25. — Art. 46.

23. NATO Allied Command Transformation. Cognitive Warfare Exploratory Concept. — ACT/SPP/CNDV/TT-6700, 2023.

24. NATO. *Warfighting Capstone Concept (NWCC)*. — Norfolk, VA: NATO ACT, 2021.

25. NATO Science & Technology Organization. *Cognitive Warfare: NATO Chief Scientist Research Report*. — Brussels: NATO STO, 2026.

26. Rushing B., Hersch W., Xu S. *Cognitive Warfare: Definition, Framework, and Case Study*. — arXiv:2603.05222, 2026.

27. Splidsboel Hansen F. *When Russia Wages War in the Cognitive Domain // Journal of Slavic Military Studies*. — 2021. — Vol. 34, № 2. — P. 181–201.

28. Tashev B., Purcell M., McLaughlin B. *Russia's Information Warfare: Exploring the Cognitive Dimension // Marine Corps University Journal*. — 2019. — Vol. 10, № 2. — P. 129–147.

29. Waltzman R. *The Weaponization of Information: The Need for Cognitive Security. Testimony CT-473*. — Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. — 10 p.

Milli təhlükəsizliyin yeni ölçüsünün formalaşmasında amil kimi koqnitiv müharibə konsepsiyasının meydana çıxması

Məmmədali Mövsüm oğlu Fərruxov
Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Dövlət İdarəçilik Akademiyası, siyasi elmlər və siyasi idarəetmə kafedrasının müəllimi, siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru

XÜLASƏ

Məqalədə koqnitiv müharibə konsepsiyasının milli təhlükəsizliyin təmin edilməsinin yeni bir müstəvisini formalaşdırın amil kimi təşəkkül tapması nəzərdən keçirilir. Hərbi sahədə inqilab nəzəriyyəsi və müharibə domenlərinin dəyişməsi konsepsiyası əsasında, koqnitiv müharibəni informasiya, psixoloji və kiber-müharibələr kimi digər qeyri-kinetik qarşıdurma formalarından fərqləndirən meyar əsaslandırılır. Koqnitiv müharibənin koqnitiv sferaya sistemli müdaxilə kimi bütöv tərifə təklif edilmişdir; bu müdaxilənin məqsədi hədəf obyektə elə bir qərar qəbul etmə modelini formalaşdırmaqdır ki, bu zaman ona xaricdən qəbul etdirilmiş qərar subyektin öz şəxsi seçimi kimi qəbul edilsin. Tədqiqatın əsas nəticəsi koqnitiv müharibə ilə koqnitiv təhlükəsizlik arasındakı əlaqənin – dərk edilmiş tələbat kimi başa düşülən – maraq kateqoriyası vasitəsilə müəyyən edilməsidir. Koqnitiv təhlükəsizlik tələbatların dərk edilməsi və

maraqların formalaşması prosesinin bütövlüyünün və muxtariyyətinin qorunması kimi müəyyən edilir. Amillərin, maraqların və təhdidlərin dialektikasına inteqrasiya olunmuş koqnitiv təhlükəsizlik xüsusi yer tutur və milli təhlükəsizliyin təmin edilməsinin keyfiyyətə yeni ölçüsü kimi şərh olunur.

Açar sözlər: koqnitiv müharibə; koqnitiv təhlükəsizlik; milli təhlükəsizlik; maraq; tələbatların dərk edilməsi; qeyri-kinetik qarşıdurma.

The Emergence of the Concept of Cognitive Warfare as a Factor in Shaping a New Dimension of National Security

Mamedali Movsum Farukhov
Lecturer Department of Political Science and Political Administration, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Political Science

SUMMARY

This article examines the emergence of the concept of cognitive warfare as a key factor shaping a new dimension of national security. Drawing upon the theory of the Revolution in Military Affairs (RMA) and the concept of shifting warfare domains, the study substantiates a criterion that distinguishes cognitive warfare from other non-kinetic forms of confrontation, such as informational, psychological, and cyber warfare. A holistic definition of cognitive warfare is proposed, conceptualizing it as a systemic intervention into the cognitive sphere designed to shape a target's decision-making model in such a way that the imposed decision is perceived as their own. A key contribution of this study is establishing the link between cognitive warfare and cognitive security through the category of "interest," understood here as a conscious need. Cognitive security is defined as the protection of the integrity and autonomy of the processes through which needs are recognized and interests are formed. Embedded within the dialectics of factors, interests, and threats, cognitive security occupies a meta-level position and is conceptualized as a qualitatively new dimension of national security.

Keywords: cognitive warfare; cognitive security; national security; interest; awareness of needs; non-kinetic confrontation.

Rəyçi: Murtəza Həsənov, siyasi elmlər üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
Məqalə redaksiyaya daxil olub: 04.05.2026
Çapa qəbul olunub: 29.05.2026

The date of the admission of the article to the editorial office: 04.05.2026
Accepted for publication: 29.05.2026